
НАИБОЛЕЕ ПРОДУКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Н.В. Соколова

Кафедра русского языка медицинского факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена некоторым продуктивным и частотным интенсификаторам в русской разговорной речи. В русле теории функциональной грамматики, с учетом взаимодействия различных уровней языка рассматриваются история вопроса, современный подход, а также нормативные аспекты употребления интенсификаторов в современной русской разговорной речи.

В русском литературном языке с начала XVIII в. и вплоть до сегодняшнего дня ряд аналитических степеней сравнения оказывает влияние на простые синтетические формы. Возникают гибридные модификации, порицаемые нормативной стилистической грамматикой, но не выходящие из употребления. Так, в 1834 году Н.И. Греч считал «непозволительным» употребление словосочетания «самый сладчайший», но этот запрет не возымел действия. Через 100 лет М. Горький вычеркивал из рукописей молодых писателей словосочетания типа «самый мельчайший». В.В. Виноградов, приводя в книге «Русский язык» эти примеры, выразил надежду на их дальнейшее нераспространение: «сочетания этого рода в современном языке малоупотребительны и расцениваются как погрешности стиля» [3. С. 251]. Но сочетания «этого рода» множатся благодаря средствам массовой информации, и приходится признать, что надежды В.В. Виноградова на стилистическое ограничение использования подобных словосочетаний не оправдались.

Серия форм степеней сравнения — «самый + прилагательное» (превосходная степень) и «более + прилагательное» (сравнительная степень) — должна быть признана «очень живой и продуктивной» в составе современного русского литературного языка, по мнению В.В. Виноградова. Грамматическое удобство их употребления состоит в том, что они могут быть образованы от любого качественного прилагательного, даже от такого, от которого нельзя образовать простые формы степеней сравнения (например: **более блестящий военачальник, но — самый блестящий военачальник; *более великая актриса, но — самая великая актриса; *более худший, но — самый худший*). Очевидно, что описательные аналитические формы превосходной степени более универсальны, нежели аналитические формы сравнительной степени.

Все громче звучит негодующий голос грамматистов, изучающих сравнительную степень прилагательного (Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ю.Л. Воротникова и других) по поводу бытования словосочетаний «*более лучше*» и «*более хуже*». Беда, по их мнению, состоит в том, что все зафиксированные высказывания такого рода принадлежат работникам электронных средств массовой информации и проникают на страницы солидных печатных изданий, а значит, могут быть вос-

приняты как образцовые. Так, Ю.Д. Апресян различает неправильность относительную и абсолютную. Н.Д. Арутюнова приходит к горькому выводу о том, что в трудах грамматистов «примеры семантических и прагматических аномалий, иногда очень изощренные, теснят корректные примеры» [2. С. 303]. Ю.Л. Воротников видит причины возникновения и бытования аномальных форм «*более лучше*» и «*более веселее*» в том, что «в сознании носителей русского языка недостаточно закреплена слитность конструкции „более + позитив“, она явно не дотягивает до морфологического уровня» [6]. Можно предположить, что происходит это из-за того, что мы имеем дело со стремлением журналистов к выражению усиления собственной оценки сообщаемого, а этот экстралингвистический фактор влияет на развитие способов выражения субъективно-экспрессивной ситуации.

Среди аналитических форм превосходной степени первенство принадлежит форме «самый + прилагательное». Как показывает собранный материал, для высказываний (т.е. для разговорной речи) при употреблении формы превосходной степени характерно смешение значений элатива и суперлатива. Об этой тенденции к неразличению значений форм суперлатива и элатива писал В.В. Виноградов [3. С. 256]. Сравнивая функционирование форм элатива и суперлатива, авторы «Теории функциональной грамматики» пришли к выводу о том, что «нельзя говорить о жесткой границе между «относительным» и «абсолютным» в разговорной речи [12. С. 146], поскольку «субъективно-характеризуемая информация вытесняет из живой современной речи объективно-рациональную информацию» [12. С. 1].

Рассмотрим примеры.

1. Он выбрал **самый худший** способ, чтобы заявить о себе (из речи лектора).
2. Г.К. Жукова можно смело назвать **самым блестящим и самым популярным** советским военачальником (один из ведущих радиостанции «Эхо Москвы»).
3. Вы — наша **самая великая** актриса сегодня (телеведущий Д. Дибров — актрисе Ольге Волковой).
4. Покупайте **самый элитарный** журнал «Вог»! (продавец журналов в электричке).

Второй, третий и четвертый примеры формально относятся к суперлативам, т.к. Г.К. Жуков — самый блестящий и популярный из военачальников, Ольга Волкова — самая великая из современных актрис, а продаваемый журнал — самый элитарный из журналов, т.е. налицо высшая степень качества, присущая кому-то или чему-то, выделенному из группы (относительность признака). Но, с другой стороны, Г.К. Жукову нет равных среди советских начальников, как и О. Волковой — среди современных актрис, а продаваемому в электричке журналу — среди других элитарных журналов, т.е. налицо абсолютное превосходство, элатив. Помимо этого, выражено очень субъективное отношение говорящих к названным «несравненным» объектам, не говоря уже о том, что прилагательные *блестящий, великий и элитарный* вовсе не нуждаются в интенсификаторах, им изначально присуще значение предельности качества (исключая слово *блестящий*, у которого значение «превосходный» — переносное).

Трудно не согласиться с В.В. Виноградовым, который, анализируя подобные ситуации, пришел к выводу о том, что «для стремящегося выразить свое мнение

по отношению к „лучшему“ и „худшему“ никакое усиление качества не кажется преувеличенным» [3. С. 258].

В развитии универсальности формы «самый + прилагательное» легко убедиться на примере из мультфильма «Самый-самый-самый-самый».

После долгих споров и грызни царем был избран Лев.

— Имей в виду, — сказали Льву все звери и птицы, — теперь, когда ты избран царем зверей и птиц, ты должен стараться быть **самым смелым, самым сильным, самым мудрым и самым красивым!**

— Нечего мне стараться! — ответил Лев. — Раз вы меня избрали царем зверей и птиц — значит, я и есть **самый смелый, самый сильный, самый мудрый и самый красивый.**

Наконец звери привыкли к тому, что Лев — **самый-самый-самый-самый**, и стали приучать к этому своих детей ... Очень скоро Лев съел всех, кто делал ему замечания, а те, что остались, хором повторяли за Львом:

— Ты — царь зверей и птиц! **Самый смелый! Самый сильный!!! Самый мудрый!!! Самый красивый!!!** Не нам тебя учить!!!

Высказывание с четырьмя формами превосходной степени заменяется в тексте неоднократно высказываниями с интенсификаторами «самый» при отсутствии прилагательного, тем самым снимается значение суперлатива (по сравнению с другими) и возникает значение абсолютного превосходства — элатива. Но при этом возникает иронический эффект.

Ирония создается при помощи каламбура «после споров и грызни», где слово «грызня» употреблено в двух значениях: 1) драка между животными; 2) ссора, склока; а также фразой «съел всех, кто делал ему замечания» — словом «съел»: 1) употребил в пищу; 2) извел попреками, замучил.

Сказка заканчивается победой силы любви над силой власти. Последняя фраза мультфильма звучит так:

И могучий Лев — царь зверей и птиц — улыбнулся застенчивой улыбкой, потому что он понял, что тот, кого любят, всегда **самый-самый-самый-самый** [13. С. 12—14].

Остается только добавить, что ирония в конце сказки исчезает.

Интересно отметить, что после выхода в свет этого мультфильма 25 лет назад стало традиционным при перечислении чьих-либо общественных заслуг выражать субъективное ироническое отношение к этим заслугам при помощи более чем двукратного повторения слова *самый*. Причем все собранные примеры имеют форму мужского рода. Вот два из них:

1. Он у нас отлично учится, плаванием занимается, на гитаре играет. Ну просто — **самый-самый-самый** (Из услышанного разговора).

2. М. и депутат, и доктор наук, и удачливый бизнесмен, и спонсор — ну просто **самый-самый-самый** (говорит ведущий радио «Эхо Москвы»).

Таким образом, констатируем, что интенсификатор «самый» живет в звучащей речи чрезвычайно активной жизнью, и даже порой автономной.

Второе место после «самый» в списке частотности использования при выражении высшей степени качества принадлежит интенсификатору «совершенно», но с большим отставанием от «самый».

1. Вот такая история, **совершенно уникальная**, произошла с моим мужем (из телепередачи «Пока все дома»).
2. **Совершенно сокрушительный** юмор Жванецкого (из беседы с Фазилом Искандером по ТВ).
3. Сейчас перед этим футболистом открылась **совершенно колоссальная перспектива** (говорит спортивный комментатор радио «Эхо Москвы»).

Обратимся к словарю. «Уникальный» — исключительный; «сокрушительный» — потрясающий все существо человека; «колоссальный» — выдающийся, чрезвычайный. Значит, все эти прилагательные имеют в своей семантике нечто значительно превосходящее норму, и поэтому в усилении этих качеств нет никакой необходимости. Интенсификатор «совершенно», помимо значения «абсолютный», имеет значение «подлинный, настоящий». Поэтому есть основания сравнить эти примеры со следующей группой примеров:

Это — настоящая высокая мода в лучшем смысле слова (интервью с историком моды Александром Васильевым).

Этот дом на Сретенке и есть памятник самый настоящий (писательница Т. Толстая рассказывает в телепередаче «Времечко — Ночной полет»).

Это удивительный был человек, столько добра сделал — настоящий святой (из разговора).

Из приведенных примеров явствует, что в роли интенсификатора при выражении превосходной степени признака выступает слово «настоящий» (которое после успеха книги «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого в нашем сознании ассоциируется с «лучшим, образцовым»). Но второй пример свидетельствует о том, что и это слово допускает превосходную степень: *самый настоящий памятник*, что тоже подтверждает мысль об исчезновении границы между суперлативом и элативом. Это объясняется присутствием дополнительного значения «аффективности» (чрезмерного выражения чувств), как его определила Е.М. Вольф [5. С. 98].

Значение аффективности присуще словосочетаниям «очень + прилагательное». Убедимся в этом на примерах:

Офис для **очень солидной фирмы!** (реклама).

4500 сотрудников имеют возможность эти идеи воплощать, причем в **очень интенсивном режиме** (беседа с предпринимателем на радио «Эхо Москвы»).

В СССР сложился **очень превосходный кинематограф** (из интервью с депутатом С. Бабуриным).

В семантике прилагательных «интенсивный», «солидный», «превосходный» ощутимо присутствие преувеличенности, значительного превышения нормы, поэтому добавление «очень» вносит только субъективную оценку, не в состоянии увеличить степень качества. Это изменение в статусе слова «очень» ощутил и выразил писатель Василий Аксенов в беседе на радио «Эхо Москвы»:

— ДНК?

— И ДНК тоже. Это **очень серьезная** штука, но я уверен, есть что-то **более серьезное**.

Этот пример интересен тем, что фиксирует неспособность интенсификатора «очень» к градации, к различию между «серьезным» и «очень серьезным», само же прилагательное «серьезный» такую способность пока сохранило, что видно из следующего примера:

Великобритания **значительно более серьезно** отнеслась к военным угрозам России (высказывание ведущего радиостанции «Эхо Москвы»).

Интенсификатор «значительно более» нейтрален, он не имеет значения аффективности. (Для сравнения — *гораздо более серьезно, чересчур серьезно, слишком серьезно.*)

Е.М. Вольф пришла к выводу о том, что «структуры интенсификации часто включают аффективность как один из элементов», что, безусловно, «препятствует классификации» [5. С. 98]. Так, наличие аффективности в рекламе исключает возможность оценки качества рекламируемого:

В журнале «Спортклуб» вы найдете увлекательные репортажи **из самых «горячих» спортивных точек!**

В газете вы найдете информацию о **самых крутых романах XX столетия!**

Теперь таким образом рекламируются газеты и журналы. Но чем отличаются «крутые» романы от «самых крутых» и какой стадион мира представляет собой «самую горячую» точку — неизвестно никому.

Аффективность присуща не только языку рекламы. Обозреватели и корреспонденты, те, кто берет и дает интервью — все стремятся в микрофон выразить свою точку зрения, оценить информацию как *очень плохую* или *очень хорошую*. Это убедительно демонстрируют следующие примеры:

1. Было бы **чересчур уж оптимистичным** считать, что курдские экстремисты и в самом деле быстро угомонятся (из речи политобозревателя).
2. Главное, чтобы платье не было **слишком экстравагантным**, а значит, смешным (репортаж с показа моды).

Не только аналитические формы превосходной степени способны создавать излишнее преувеличение, вызванное субъективной оценкой. Синтетическая форма, образованная при помощи суффиксов *-айш-* и *-ейш-*, тоже справляется с этой функцией. Неразличение элативного и суперлативного значения характерно для всех форм превосходной степени. Синтетические формы на *-айш-* и *-ейш-* формально выражают элативное значение (т.е. безотносительно большую меру при знака) и встречаются только в составе фразеологических сочетаний:

В самое ближайшее время договор будет подписан (ведущий радиостанции «Эхо Москвы»).

Приглашаются на работу ... проживающие в Москве и **ближайшем Подмоскovie** (из устного объявления в метро).

Докапываться до **самых мельчайших подробностей** его подсознательной жизни (из беседы с психологом на радио «Эхо Москвы»)

В настоящее время формы «самое ближайшее время» и «самые мельчайшие подробности» воспринимаются как излишние. Но излишек ощутим и в словосоче-

тании «ближайшее Подмосковье» (без интенсификатора «самый»), которое является новообразованием от «ближнего Помосковья». Ведь с приобретением суффикса *-айи-* ни Мытищи, ни Одинцово (ближе других расположенные к Московской кольцевой автодороге подмосковные города) к Москве не приблизились, они были и остались самыми близкими городами. Поэтому можно говорить о невыполнении своего предназначения суффиксом *-айи-*. Образование синтетических форм превосходной степени с помощью префиксов не считается продуктивным. Однако этого нельзя сказать о префиксе *архи-*.

Несмотря на то, что синтетическая форма превосходной степени «архи + прилагательное» бытует давно в устной и письменной речи, можно сделать вывод о новой жизни префикса *архи-*. 100 лет назад он использовался только в публицистике. Нам он хорошо известен по произведениям В.И. Ленина (архиреволюционно, архиважная задача, архиреакционный). В последнее десятилетие частотность использования префикса *архи-* объясняется стилистическими причинами в связи с распространением моды на ироническое использование цитат классиков марксизма-ленинизма [7. С. 23].

1. *Архимодно* все прямое, облегающее, длинное (речь корреспондента «Вестей» с показа мод).
2. *Архиважная* национальная задача — водка (А. Ширвиндт в беседе с телеведущим).
3. *Биоэнергетическая* добавка к пище «Донор-Эл» является *архиполезной* (из советов врача).

Подводя итоги, сделаем выводы: для русской разговорной речи сегодняшнего дня характерны аналитические формы превосходной степени в элативном, т.е. безотносительном значении, причем самой универсальной и самой распространенной формой для этого является сочетание «самый + прилагательное». В связи с увеличением роли электронных средств массовой информации в нашей жизни распространяется не объективно-рациональная, а субъективно-характеризуемая информация, которая облачается в разговорные, часто неправильные формы. Но формы эти бытуют в речи, повторяются и закрепляются. Грамматисты могут эти формы фиксировать и изучать, но не могут влиять на их бытование. В настоящее время этот процесс только лишь активизировался, но начался он в XVIII веке.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. — М., 1995.
- [2] Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. — М., 1988.
- [3] Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1947.
- [4] Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М., 1985.
- [5] Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков хорошо/плохо // Вопросы языкознания. — 1986. — № 2.
- [6] Воронников Ю.Л. Более лучше, более веселее // Русская речь. — 1999. — № 1.
- [7] Земская Н.А. Русский язык конца XX столетия. — М., 1996.
- [8] Лаптева О.А. К формально-функциональному моделированию системы устного разговорного синтаксиса // Вопросы языкознания. — 1997. — № 2.

- [9] Словарь русского языка / Под ред. Евгеньева А.П. — В 4-х томах. — М., 1981.
[10] Русская грамматика. — М., 1980.
[11] Русский жаргон 60—90-х годов: Опыт словаря / Под ред. Баранова А.Н. — М., 1994.
[12] Теория функциональной грамматики: Качественность, количественность / Под ред. А.В. Бондарко. — СПб., 1997.
[13] *Ливанов В.* Самый-самый-самый-самый. — М., 1975.

THE MOST PRODUCTIVE MEANS OF EXPRESSION OF THE CATEGORY OF INTENSITY IN RUSSIAN SPEECH

N.V. Sokolova

Russian Language Department
Medical Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russia, 117198

In the article the most productive intensifying words commonly used in Russian colloquial speech are analyzed from the position of the principles of functional grammar, mutual influence of different language levels is taken into consideration. The problem is studied in synchronic and diachronic aspects; norms of usage of intensifying words in modern Russian colloquial speech are also under analysis.